

Что-то тут явно есть.

Но на лице Цзян Сюэхэ не было и намёка на растерянность, А Луань по-прежнему улыбалась, поэтому она не стала расспрашивать.

— Вот твой арбуз, нашла только такой большой. — Янь Гуйцю поставила на пол арбуз, который едва могла обхватить руками, затем выложила на стойку несколько апельсинов и, наконец, букет стрелиций из-за пазухи.

Розовые лилии, стоявшие на шкафу, уже начали увядать — как раз можно заменить их на новые.

— Откуда ты узнала, что я хочу апельсинов? — спросила Цзян Сюэхэ.

— Вчера ты обмолвилась, а я как раз проходила мимо фруктовой лавки и увидела их. — сказала Янь Гуйцю. — Вот и захватила по дороге, чтобы тебе не пришлось лишний раз ходить.

На самом деле она просто бросила эту фразу в разговоре, и не то чтобы ей уж очень хотелось апельсинов.

Цзян Сюэхэ не стала говорить этого вслух, лишь улыбнулась, взяла два апельсина, вымыла их и разрезала.

Янь Гуйцю, воспользовавшись моментом, подошла к А Луань и тихо спросила:

— Ты мне не навредила?

А Луань всё ещё рылась в пакете с апельсинами, отвечая и жалуясь одновременно:

— Конечно, нет. Я же сама скромность. Я, конечно, наговорила тебе кучу хорошего — но почему ты не захватила по дороге пару яблок?

Янь Гуйцю:

— Ты же говорила, что хочешь арбуз?

Щёки А Луань чуть не раздулись в шар:

— Ты что, не понимаешь, что это был тактический предлог? Я похожа на того, кто капризничает без причины?

Янь Гуйцю, не колеблясь, кивнула:

— Похожа.

Если говорить о том, кто не капризничает, то госпожу Луань точно нельзя отнести к таким людям.

Хотя характер у неё неплохой, но когда она начинает изводить — это умеет знатно.

Янь Гуйцю много лет выполняла роль «мамочки» для госпожи Луань, так что знала об этом не понаслышке.

Когда Цзян Сюэхэ вышла с тарелкой апельсинов, она услышала, как А Луань фыркнула, но та, не стесняясь, подошла и стала есть апельсины.

— Если сравнивать с тобой, то А Цю наверняка любит тебя больше. — протянула А Луань, жуя апельсин.

— Почему? — послушно спросила Цзян Сюэхэ.

— Потому что ты выглядишь более рассудительной. — А Луань взяла ещё одну дольку, подумала и добавила: — Но если бы ты с ней не церемонилась, возможно, ей бы это даже понравилось.

— Правда? — с недоумением на лице спросила Цзян Сюэхэ у стоящей рядом Янь Гуйцю.

— О какой рассудительности может идти речь в любви? — с полной уверенностью заявила Янь Гуйцю.

— А вот сейчас ты, по-моему, вообще не рассудительная. — сказала А Луань.

— С чего ты взяла, что я с тобой не рассудительна? — спросила Янь Гуйцю.

— Я так старалась, говорила о тебе только хорошее, а ты даже яблоко мне пожалела купить. — А Луань повернулась к Цзян Сюэхэ и спросила: — Ну разве она не нерассудительная?

Цзян Сюэхэ улыбнулась и сказала:

— В следующий раз я тебе куплю.

А Луань осталась довольна, снова повернулась к Янь Гуйцю и сказала:

— Есть такая поговорка: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Тебе обязательно нужно поучиться у Сюэхэ, как пишется слово «нежность».

Янь Гуйцю пододвинула тарелку к ним обеим:

— Иди уж, ешь свои апельсины.

Цзян Сюэхэ машинально сдвинула регистрационный журнал на столе в сторону, чтобы капли сока не попали на него. Янь Гуйцю скользнула взглядом, замерла, снова посмотрела на него и несколько секунд разглядывала адрес в нижней строке.

— Ты купила картину? — спросила Янь Гуйцю у А Луань.

— Конечно. — уверенно заявила А Луань. — Раз уж я впервые пришла в галерею Сюэхэ, как-то неловко не поддержать её.

Но адрес в записи явно был не адресом А Луань.

Номер телефона, правда, её.

Янь Гуйцю снова взглянула на адрес, о чём-то задумалась, но в конце концов ничего не сказала и отвела взгляд.

Цзян Сюэхэ заметила её взгляд, тоже сверилась с адресом и вдруг кое-что поняла.

Этот адрес был в соседнем городе.

Семья Луань жила очень далеко отсюда, так что нельзя было с уверенностью сказать, обзавелась ли госпожа Луань собственным домом поблизости.

Но судя по реакции Янь Гуйцю, этот адрес, скорее всего, принадлежал кому-то другому.

Ближе всех в соседнем городе был Сун Аньчэнь.

Встреча между друзьями не была чем-то странным.

Цзян Сюэхэ не стала углубляться в размышления и тоже отвела взгляд.

А Луань была очень живой, легко шла на разговор, и беседу было трудно охладить.

Втроём они поболтали ещё немного, вместе поужинали, а когда вышли, на улице уже стемнело.

А Луань приехала на своей машине, так что ехать обратно так поздно было неудобно, и она, конечно же, осталась переночевать у Янь Гуйцю. Она даже очень горячо приглашала Цзян Сюэхэ поехать с ними, но та, разумеется, вежливо отказалась.

— Завтра утром мне нужно рано вставать по делам, так что не буду вам мешать. — виновато улыбнулась Цзян Сюэхэ и, попрощавшись с А Луань, добавила: — Заходите как-нибудь, буду рада.

А Луань кивнула и шустро поднялась наверх, оставив Янь Гуйцю внизу поговорить с Цзян Сюэхэ.

Обе понимали, что та просто деликатно оставляет их наедине, но Янь Гуйцю всё равно невольно выдала усталость, беспомощно улыбнувшись:

— Слишком много шума от неё.

— Зато весело. — Цзян Сюэхэ подняла голову и посмотрела на высотку за спиной Янь Гуйцю. — Не будет скучно.

Фонари уже зажглись, но в этом жилом доме горели лишь редкие огни.

То ли жильцы ещё не заселились, то ли ещё не вернулись с работы.

На дорожках спереди и сзади тоже не было видно людей, только фонари одиноко стояли.

Редкие звёзды и тусклый свет действительно могли навевать ощущение далёкого и бескрайнего одиночества.

Обе одновременно замолчали.

Янь Гуйцю смотрела на профиль Цзян Сюэхэ, и в душе у неё почему-то защемило.

У Цзян Сюэхэ были друзья, но близких — не так много. Таких, как Янь Гуйцю, к кому каждые несколько дней заходят гости, у Цзян Сюэхэ почти не было.

Дело было не в какой-то тайне или в том, что она не нравилась людям. Просто Цзян Сюэхэ по характеру была холодновата и не любила сближаться с людьми.

В сюжете она была настолько холодна, что казалась даже бессердечной.

Но она не отталкивала Янь Гуйцю, и улыбка её казалась искренней. Когда она стояла в

некотором отдалении, одинокая, она была похожа на цветок, стоящий особняком от всего мира.

Наверное, никто не может не бояться одиночества.

Янь Гуйцю не знала, что сказать. Хотелось сказать «в будущем я буду рядом», но это казалось слишком поверхностным. И всё же она искренне считала, что, когда Цзян Сюэхэ стоит одна, рядом с ней должен быть кто-то ещё.

Цзян Сюэхэ повернулась к ней, увидела её озадаченное лицо, фыркнула от смеха и спросила:

— О чём задумалась?

Янь Гуйцю покачала головой и сказала:

— Думаю о том, как жаль, что не смогла пригласить тебя к себе домой.

Цзян Сюэхэ опешила, а потом сказала:

— В будущем будет возможность.

Янь Гуйцю проводила её до машины, смотрела, как та выезжает через боковые ворота, и только потом развернулась и поднялась вверх.

У А Луань не было ключа, и она сидела на ступеньках у двери, низко опустив голову и быстро стуча по экрану телефона. Бледный свет от экрана делал её лицо мертвенно-бледным, создавая атмосферу фильма ужасов.

Услышав шаги, она нарочито медленно подняла голову, и свет из-под подбородка добавил ей жутковатости.

Янь Гуйцю постучала по двери, и на лестничной площадке загорелся датчик освещения.

А Луань разочарованно скривила губы:

— Ты такая скучная, что тебя легко бросят, ты в курсе?

Янь Гуйцю:

— Зато лучше, чем быть настолько инфантильной, что тебя презирают.

А Луань: ...

А Луань:

— Это личное оскорбление.

— Да, именно. — Янь Гуйцю открыла дверь, нащупала выключатель на стене и, включая свет, спросила: — И почему ты отправила картину Аньчэнь?

— Ты даже это заметила? — ответила А Луань. — А если я скажу, что давно её не видела и решила заехать проведать, ты согласишься?

— А ты как думаешь? — Янь Гуйцю явно не поверила.

Хотя они обе были друзьями Янь Гуйцю, Сун Аньчэнь и А Луань не очень-то ладили.

Одна была из тех, кто сказал — сделал, даже случайные слова подруги воспринимала как дело жизни. А Луань же относилась к друзьям гораздо легкомысленнее: продинамить, сбежать на полпути — обычное дело, да и детских выходок хватало.

В итоге одна считала другую слишком разболтанной и несерьёзной, а другая — слишком закостенелой и придирчивой.

Отношения нельзя было назвать совсем плохими, при встрече они вполне мирно болтали, но обычно без повода друг к другу не ходили.

К тому же Сун Аньчэнь совершенно не разбиралась в искусстве, так что звать её любоваться картинами — это вообще нонсенс.

— Ладно, дело в том, что она позвонила мне пару дней назад и рассказала о тебе и Цзян Сюэхэ. — честно призналась А Луань. — Ей постоянно кажется, что с Цзян Сюэхэ что-то не так, и она попросила меня прийти и посмотреть.

Сун Аньчэнь считала себя очень далёкой от дворцовых интриг, и она не могла разглядеть суть в людях более проницательных, но А Луань с детства видела интриги как игру, так что взгляд у неё был куда более острый, поэтому она и обратилась к ней.

— Но она просто переживает, и ещё просила меня не ставить Цзян Сюэхэ в неловкое положение. — добавила А Луань.

Этого можно было не бояться: она не только не ставила её в неловкое положение, а чуть ли не сама привела её в дом.

Сегодняшнее Аньчэнь рассказывать точно нельзя.

Янь Гуйцю молча сделала себе пометку.

— Позже я ещё с ней поговорю. — Янь Гуйцю задумалась и спросила: — А ты сегодня посмотрела, что думаешь?

А Луань спросила:

— Точно хочешь услышать моё мнение?

Янь Гуйцю сказала:

— Раз уж пришла, не зря же.

А Луань взяла с дивана подушку, склонила голову набок, немного подумала и сказала:

— Я не знаю, что именно тебе в ней нравится, но я могу понять, почему она тебе нравится.

— Если говорить о ней как о человеке, могу сказать только, что она мне не неприятна. Если сблизиться с ней, она, наверное, из тех, с кем можно мирно ужиться — она действительно рассудительная. В любом случае, с ней не сложнее, чем с Сун Аньчэнь.

Янь Гуйцю беспомощно улыбнулась.

А Луань подпёрла подбородок рукой, вглядываясь в лицо Янь Гуйцю, и через мгновение снова сказала:

— Ты сильно её хочешь.

Янь Гуйцю опешила.

А Луань бросила эту фразу как будто невзначай, пальцы её беспорядочно постукивали по краю журнального столика, но слова были искренними, с ноткой удивления:

— Я впервые вижу, чтобы ты чего-то «хотела».

Это было то, чего Сун Аньчэнь не могла понять, но А Луань могла это прочувствовать.

Такие люди, как они: либо с очень хорошим происхождением, либо с очень сильными способностями, либо с очень слабыми желаниями. Удовлетворить свои хотелки им легко: стоит появиться мысли — и результат уже в руках. Из-за этого сильное предвкушение изо дня в день стирается.

Когда А Луань заканчивала старшую школу, отец заставил её обручиться с молодым господином из дружественной семьи. Она впервые так яростно воспротивилась отцовской воле,

даже дошло до того, что она грозилась умереть.

Потом, оглядываясь назад, она понимала, что тот молодой господин был неплохим человеком, отец специально для неё провёл отбор: и характер, и внешность — всё на высоте. А Луань не была противницей романтических отношений или даже брака. Если бы этого молодого господина представили ей в другое время и в другом месте, она, наверное, с радостью согласилась бы.

Но именно в тот момент её жажда «свободы» перевешивала всё, даже жизнь.

Если ей не давали права свободно выбирать «да» или «нет», то даже смерть была бы предпочтительнее.

Такие сильные эмоции за всю её жизнь появлялись считанные разы. Сейчас те поступки казались ей смешными и экстремальными, но она никогда о них не жалела. Она прекрасно понимала, что, если бы всё повторилось, она поступила бы так же.

Не только ради самой «свободы», но и ради того редкого, сильного чувства «хотеть».

Янь Гуйцю была гораздо более здравомыслящей и далеко не такой экстремальной, как А Луань.

Но её жажда была ещё слабее, чем у А Луань.

Казалось, в мире нет ничего, от чего она не могла бы отказаться, и нет ничего, что она хотела бы настолько, чтобы это естественно проявилось как предпочтение.

«Цзян Сюэхэ» и «нравится» — впервые.

Когда такая редкая вещь появляется перед глазами, не протянуть руку и не схватить — обязательно будешь жалеть всю жизнь.

Поэтому А Луань без колебаний выбрала поддержать Янь Гуйцю.

Опасения Сун Аньчэнь были небезосновательны, но это был уже другой уровень вещей, в который никто, кроме них двоих, вмешиваться не мог.

— Если не хочешь поранить друг друга, учись по-настоящему любить человека. — А Луань помахала указательным пальцем и с расстановкой произнесла: — В науке о любви много премудростей.

— Бывалый.

Янь Гуйцю вдруг осознала, что перед ней стоит настоящий эксперт по романтике.

Заметив, что Янь Гуйцю дрогнула, А Луань загадочно приблизилась:

— Я только что нашла полный сборник секретов любви. Хочешь?

Янь Гуйцю: ...

Звучит крайне ненадёжно.

Она снова подняла глаза и увидела полное воодушевления, блестящее лицо А Луань, и ей показалось, что это ещё более ненадёжно.

Любовь делает IQ отрицательным.

Эта фраза, возможно, не совсем точна — её следовало бы перефразировать как «даже если знаешь, что это ненадёжно, всё равно сам прыгаешь в яму».

Но...

Ради Цзян Сюэхэ.

Янь Гуйцю в конце концов с трудом кивнула:

— ...Давай.

Янь Гуйцю полночи проплавала в «Полном сборнике секретов любви». На следующий день, с не очень заметными тёмными кругами под глазами, она выбрала самый подходящий план действий —

кино.

А Луань, хлопая по страницам «Как случайно припереть к стене» и «Руководство по непрямому поцелую», с горечью восклицала:

— Трус!

Янь Гуйцю сделала вид, что не слышит. Посмотрев, что время уже к полудню, она решила отправить Цзян Сюэхэ сообщение с вопросом, пока ждала ответа, просматривала афишу фильмов, идущих в прокате.

У Цзян Сюэхэ, видимо, и правда были дела: она ответила только через полчаса, но сказала, что со второй половины дня до вечера она свободна.

Янь Гуйцю отправила ей описание фильмов, идущих в прокате, и спросила, не хочет ли она сходить в кино.

Пока А Луань сзади опустошала шкаф со снеками, эти двое уже договорились вместе пойти на вечерний сеанс в семь часов. Как раз перед кино можно было поужинать где-нибудь поблизости.

— Поужинаешь с нами? — Янь Гуйцю обернулась и спросила А Луань.

— Не пойду. — А Луань жевала печенье и бормотала: — Не хочу быть третьей лишней.

Янь Гуйцю показала ей большой палец за понятливость, а потом снова повернулась к Цзян Сюэхэ, обсуждая место ужина.

А Луань сидела на диване, скрестив ноги, посмотрела на свой телефон, потом на Янь Гуйцю, подняла руку и сфотографировала её в профиль, отправив снимок Сун Аньчэнь с подписью.

«Видела её такой душой?»

Сун Аньчэнь быстро ответила:

— Чем занимаетесь?

Тут же спохватилась:

— Болтает с Цзян Сюэхэ?

А Луань:

— Угу.

Сун Аньчэнь: ...

Даже через экран чувствовалось, как Сун Аньчэнь не может подобрать слов. Представив, как та хмурится, морщась от недоумения, А Луань не удержалась от смеха, и настроение её поднялось на ноль целых одну десятую процента.

Сун Аньчэнь, помолчав, снова написала:

— Когда будешь возвращаться, скажи мне.

Она всё ещё хотела поговорить с А Луань.

А Луань ответила «хорошо».

Янь Гуйцю только опустила телефон, как увидела, что А Луань сзади смеётся, не в силах остановиться.

— Это так смешно? — спросила Янь Гуйцю.

— Смешно. — А Луань с трудом сдержала смех, сделала серьёзное лицо, стараясь выглядеть торжественно, и сказала: — Желаю вам счастья.

Янь Гуйцю: ...?

Янь Гуйцю:

— Спасибо.

Что бы там ни было, такое пожелание стоит принять. Янь Гуйцю была совершенно невозмутима.

А Луань действительно не собиралась оставаться и быть третьей лишней. После обеда она попрощалась с Янь Гуйцю, сказав, что в следующий раз зайдёт, когда будет время. Янь Гуйцю не придавала этому значения: «в следующий раз» у А Луань обычно было просто на словах, трудно было назвать точное время.

Янь Гуйцю проводила её до подъезда, подумала и попросила подождать, поднялась обратно и принесла коробку чая, протянув её А Луань.

— Передай Аньчэнь, она как-то говорила, что хочет такой, но в прошлый раз забыла взять.

А Луань показала жест «ок» и, выйдя из квартала, позвонила Сун Аньчэнь.

Сун Аньчэнь, как и ожидалось, переживала из-за Янь Гуйцю и Цзян Сюэхэ. Она сразу перешла к делу, не тратя времени на светскую беседу.

Она не питала неприязни к Цзян Сюэхэ, но, сравнивая, очевидно, что многолетняя подруга была важнее.

То, с каким запалом Янь Гуйцю окунулась в это, вызывало у неё смутное беспокойство.

И то, что Цзян Сюэхэ не возражала, не отстранялась, не отказывала, заставляло Сун Аньчэнь тревожиться ещё больше.

Сун Аньчэнь сама не замечала, что сейчас она выглядит как мамаша, которая переживает, что её послушная дочка впервые влюбилась. А Луань подумала и решила не подкалывать её за такое явное сходство, но ей было так смешно, что она не сдержалась и прыснула.

— Ты чего смеёшься? — Сун Аньчэнь остановилась.

— Я думаю, тебе не стоит так волноваться. — сказала А Луань. — Если мне не изменяет память, она вроде бы на пару месяцев старше тебя.

— При чём тут возраст? — Сун Аньчэнь явно была недовольна. — Это же её первая любовь. А если что-то пойдёт не так и у неё останется психологическая травма на всю жизнь?

Она не такая, как ты.

Эту фразу Сун Аньчэнь проглотила.

Если бы Янь Гуйцю была такой же опытной в любовных делах, как А Луань, Сун Аньчэнь бы так не переживала.

Но Янь Гуйцю впервые кого-то полюбила, впервые с такой очевидностью вложила весь свой пыл в одно дело, чуть ли не вынимая сердце и лёгкие.

Когда отдаёшь слишком много, больше всего боишься не получить отдачи. Сун Аньчэнь казалось, что Цзян Сюэхэ — человек, которого невозможно понять, и она вряд ли ответит тем же, и она боялась, что всё закончится плохо.

Она не считала, что в том, что Янь Гуйцю влюбилась, есть что-то, за что стоит переживать, но она очень боялась, что та пострадает.

Если бы на месте Цзян Сюэхэ был кто-то другой, даже такой же живой и открытый, как А Луань, от кого можно было бы получить чёткий отклик, Сун Аньчэнь бы так не волновалась.

— Это предубеждение. — сказала А Луань. — То, что ты не можешь быть безупречной в общении, не значит, что кто-то другой этого не умеет. То, что таких людей мало, тоже не означает, что другой человек неискренен.

— По-твоему, они, значит, любят друг друга взаимно? — парировала Сун Аньчэнь.

— Почему нет? — спросила А Луань.

— Откуда такая удача? — не задумываясь, ответила Сун Аньчэнь. — Гуйцю влюбилась в Цзян Сюэхэ с первого взгляда, и Цзян Сюэхэ тоже влюбилась в Гуйцю с первого взгляда, и они как раз приглянулись друг другу? Ты думаешь, это съёмки дорамы?

— Разве ты не слышала, что искусство черпает из жизни? — А Луань сделала паузу, скользнула взглядом по коробке чая на пассажирском сиденье и снова заговорила: — Даже если допустить, что Цзян Сюэхэ поначалу была просто вежливо-дружелюбна, как ты думаешь, неужели она, пообщавшись с А Цю, вообще не почувствует ничего?

Сун Аньчэнь молчала.

<http://bllate.org/book/19089/1874656>